

УДК 1:81

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПТА “ТРУД” (НА МАТЕРИАЛАХ ЛЕКСЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Российская Федерация.

E-mail: slyusarevvladimir@gmail.com (Слюсарев В.В.)

E-mail: timur@husyainov.ru (Хусяинов Т.М.)

Статья посвящена философскому осмыслению культурно-антропологического значения концепта «труд» на основе этимологического анализа лексем русского, болгарского, польского и украинского языков. Цель работы – выявить характерные семантические свойства лексем концепта в языке и их влияния на отношение носителей языка к труду. В статье проведено рассмотрение историко-культурологических особенностей фиксации концепта в виде лексем в указанных языках, на основании которого авторы постарались подчеркнуть ряд важных аспектов. Во-первых, проявляется явная взаимосвязь условий труда, конкретной культурно-исторической ситуацией и формой фиксации концепта в языке (особенно хорошо это видно на примере украинского языка). Во-вторых, показана взаимосвязь лексемы «труд» с формами деятельности, связанными, как правило, с физическим трудом и не требующими выхода за рамки ограниченной области. В-третьих, показана и обоснована важность языковой фиксации концепта «труд» в омонимичной лексеме в современных глобализационно-технократических условиях, которые стремятся к отказу от телесности и естественной формы существования человека. В заключении, авторы делают вывод о необходимости изменений данной лексемы, оставляя за обществом и читателем выбор, в каком направлении будет развиваться человеческая духовность, цивилизация и культура.

Ключевые слова: труд, концептосфера, концепт; славянские языки, лексемы, культурно-антропологический анализ.

Проблема трудовой деятельности является одной из фундаментальных в развитии и функционировании человеческого общества. Хотим мы того или нет, но на протяжении своей истории для обеспечения нормального существования человек вынужден совершать целесообразные и сознательные действия, направленные на удовлетворение потребностей как самого индивида, так и общества, в которое он включен. Важность влияния явления труда на процессы как жизнедеятельности, так и, собственно, генезиса человека многократно подчеркивалось исследователями, как например, в работе Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», где было продемонстрировано безусловное значение трудовой деятельности для человека. При этом оппозиционное мнение, сводящее к нулю

важность и влияние данного явления для существования человека, отыскать если и возможно, то крайне проблематично.

Однако, современные тенденции развития общества, особенно в наиболее развитых (в экономической сфере) странах, свидетельствуют об обратном – фактические данные говорят о том, что роль труда в его народном, протосементическом значении (как в первую очередь физической деятельности), постепенно снижается. Все больший акцент в данных обществах делается не на производство тех или иных благ, а на удовлетворение потребностей – потребление. Повышения эффективности трудовой деятельности, развитие трудосберегающих технологий и снижение доли физического труда в пользу интеллектуального, а также самой необходимости участия человека и затраты им сил непосредственно в производстве, в результате приводит к фактическому «избавлению» человека от труда в обыденном, «живом» смысле. Наиболее развитые экономики мира (так называемые постиндустриальные), по всей видимости, вплотную подошли к концу, к максимуму постиндустриальной формации и готовятся выйти уже и из нее. Они стремятся к так называемой, четвертой технологической революции, которая позволит «освободить» человека от труда, что в результате может привести, к так называемой «смерти труда»[1] – к его концу как традиционной форме деятельности, связанной с выполнением физической работы и выраженной в качестве лексемы в языке.

Но тогда самое время вспомнить, какую роль играл труд в истории человечества? Является ли он неким атрибутивным свойством *Homo Sapiens* как такового, о чем писал Энгельс? Да и что, собственно, мы имеем в виду, обращаясь в нашей речи к слову “труд”? Какой герменевтический процесс происходит в результате нашего восприятия данной лексемы? Какова ее семантика? Какой смысл субъект, находящийся в рамках русской языковой картины мира, вкладывает в понятие “труд”?

В ходе данного рассмотрения, мы предлагаем обратиться к важности исторической и культурологической контекстуальности в процессе формирования и становления языка. Определить взаимозависимость культурно-исторического контекста и процесса формирования представлений об определенных концептах и их проявление в конкретных лексемах. В фокус нашего исследования попала трудовая деятельность, которая сопровождала человечество на протяжении всей его истории. В частности, в рамках данного исследования мы предлагаем сфокусироваться на концепте “труд” и тех лексемах, которые фиксируют его в русском, болгарском, польском и украинском языках. Это позволит нам определить культурно-исторические смыслы и, по возможности, актуализировать представление о труде с учетом происходящих социокультурных трансформаций.

На протяжении веков понятие «труд» и те значения, которые в него вкладывались, претерпевали изменения, трансформируясь вместе с самой трудовой деятельностью человека. Так, труд античного раба заметно отличался от труда средневековых ремесленников и их подмастерьев, и естественно имел мало общего с трудом в индустриальную эпоху или информационного общества. Эти различия выражались как в особенностях трудовых отношений и отчуждаемости результатов

труда, в отношении к труду со стороны разных социальных слоев, так и в самом процессе трудовой деятельности, тех технологиях, которые использовались при работе и т.д. Все это естественно накладывало заметный отпечаток на само понимание труда как деятельности в определенный период и у определенной социальной группы.

Исходя из сказанного выше, представляется вполне очевидным, что в различных языках, используемых в различных культурных группах, по необходимости, должна присутствовать определенная лингвистическая проекция явления труда. Обозначим данный мыслительный образ, предшествующий речевому отображению, как концепт «труд».

Хотя понятие концепта относительно новое в философии, в нашем случае оно кажется подходящим для выявления связи между изменениями языка и характера труда, так как обладает объяснительной силой. Как показал Ю.С. Степанов, соотнося концепт и культурный мир человека, «концепты существуют в ментальном мире не в виде четких понятий, а как некий пучок представлений <...> концепты не только мыслятся, они переживаются» [2]. Концепты, образуя целую систему, формируют концептосферу, которая и представляет совокупность культурных смыслов, а понимание концептосферы определенной группой позволяет выявить как ключевые понятия из ее жизни в разные периоды истории, так и несущественные. В широком смысле, в число концептов включаются лексемы, значение которых составляет содержание национальной языковой картины мира. Так как язык является характерным выражением культурных ценностей его носителей, то и исследование каких-либо концептов через него наиболее оправданно.

Очевидно, что концепт “труд” будет различен как по форме, так и по коннотациям, оттенкам смысла в различных языках. Для выявления характерных семантических свойств этого концепта, мы обращаемся к анализу данного концепта в структуре индоевропейской языковой семьи. Прежде всего – к форме лексемы и приведем несколько примеров из европейских языков – наиболее близких к латыни, как “центральной оси”. Так в английском языке труд – это *work* (работа, труд, производство, дело, дела) или *labor* (труд, работа, роды, рабочее, усилие). В немецком - *das Werk* (дело, детище, труд, работа, производство, сочинение), *das Berufsleben* (трудовая деятельность, труд)[3]. Во французском – *le travail* (работа, труд, служба, дело, занятие, производство) или *l'oeuvre* (дело, создание, труд, производство).

Можно заметить, что лексемы, используемые в данных языках, имеют различные семантические связи с теми или иными проявлениями труда, обусловленные своим особым этимологическим и культурологическим этногенезисом. Однако, хотя данные языки и относятся к общей индоевропейской языковой семье, культурологически и лингвистически они довольно далеки как от русской речи, так и друг от друга, чем и обосновывается их полифоническое звучание и семантическая разнородность. Каждое из них восходит своими корнями к разным лексемам, различных эпох. Так, различия между *Work* и *Labor* заключается в том, что лексема *Labor*, будучи заимствованной из

древнефранцузского, где означала тяжелый труд, утомительную работу, страдание, в то время как *Work* – это лексема восходит к древнеанглийским *Weorc, Worc*, что означало выполнение чего-либо, действие или поступок; таким образом, лексема *Work* обозначает деятельность стороны личности и поле осознанной деятельности [4]. Таки образом, мы можем видеть, что культурологический процесс формирования концепта “труд” в данных языках различается как между собой, что во многом связано с культурогенезом каждой отдельной языковой группы, почему древнефранцузское слово *Labor* и стало более употребимым в современном английском языке.

Дабы рассмотреть подобные процессы и определить взаимосвязи культурно-исторического контекста и становления представлений об определенных концептах в русском языке, мы предпринимаем попытку сравнительного анализа лексем в славянских языках.

Для поиска более близких к русскому языку (и восприятию) лексем, обратимся к славянской группе языков балто-славянской ветви. Так, в сербском языке труд – рад (труд, работа), как и в близком по подгруппе хорватском – *rad* (работа, труд). В западнославянской подгруппе – это польское *praca* (труд, работа) и чешское *práce* (опять же – труд, работа). Похожая лексема используется и в части восточноевропейских языков. Так в белорусском труд – праца, в украинском – праця. Тем обособление выглядит в данном ряду русская лексема труд, которая созвучна юго-восточной подгруппе. Так, в македонском – это трудот, а в болгарском и вовсе омонимичное – труд. Следует отметить, что лексемы в данном случае довольно близки как по своему морфологическому составу (фактически сводимому до трех общих для группы корней – рад, труд, прац), так и по семантике – отсутствует столь характерная для германо-романской ветви смысловая полифония. Так или иначе, но транслации во всех языках группы обозначают труд, работу, выполнение какой-то деятельности. При этом важно отметить, что исходный праславянский язык не представлял собой монолитную систему, включая в себя различные диалектные зоны, которые в дальнейшем стали основанием языковой дифференциации народностей [5].

Обозначив ряд корней, проявляющихся в сходную семантическое транслацию концепта “труд”, обратимся к их этимологии. В частности, корень “рад” (“rad”) представлен в во всей группе языков – русское *ра́да, ра́до*, украинское *ра́дий*, рад, белорусское *рад*, древнерусское, старославянское *радь*, болгарское *рад*, сербохорватское *рад, рада, радо* «охотный», словенское *ràd, ráda* «рад, охотный», чешское *rád* – то же, словацкое *rád*, польское, верхнелужицкое, нижнелужицкое *rad*. Предполагают родство с англосаксонским *rót* «радостный, благородный», древнеисландским *rótask* «проясняться, веселеть», англосаксонским *rótu* «радость» [6]. Также, возможно, однокоренное русское *ра́да* «совет», южное, западное, украинское, белорусское *ра́да* «совет, помощь», древнерусское *рада* «совет», «советник». Заимствовано через польское *rada* – то же, чешское *rada* из средневерхненемецкого *rat* «совет». Вероятно происходит от немецкого *Rat* «совет», далее от прагерманской формы **rād* (**raedan*), от которой в числе прочего произошли: древневерхненемецкое *rāt*, немецкое *Rat*, древнеанглийское *ræd*,

нидерландское *gaad*, английское *rede*. Прагерманское **gād* восходит к праиндоевропейскому **gei* – «рассуждать, считать» [7]. Последняя транслация представляется наиболее вероятной, так как, в смысловом значении, близка к выполнению определенной коллективной деятельности, требующей согласованности, что вновь отсылает нас к Ф. Энгельсу, полагавшему речь в качестве производной от необходимости согласованных действий, или, в широком смысле – труда.

Корень праца «труд, работа, занятие», южное, западное, украинское праця, белорусское праца. Заимствование через польское *praca* из чешского *práce*, среднесловацкое *práca*, древнепольское *prosa*, верхнелужицкое *prósa*, нижнелужицкое *prosa*. Реконструируют праславянское **portia*, сближаемое с сербохорватским *pratiti* «сопровождать», словенским *prátiti* – то же, *prátiti se* «собираться в путь». Украинское праця, белорусское праца, заимствованные через польское *praca* из чешского *práce* при древнепольское *prosa* вызывают некоторые дополнительные общие замечания в связи с одним из видов генезиса лексем «работа, труд, дело». Реконструируемое на основании приведенных слов праславянских диалектов **portja*, несомненно, родственно сербохорватскому *pratiti* «посылать», болгарскому – *prátja* «послать» (праславянскому **portiti*). Констатируемая семантическая эволюция «посылать» > «работа, дело» представлена также в сербохорватском языке – *pòsa*, родительный падеж посла «дело, работа» <**rosъlъ*;, русское послать [7]. Таким образом, корень “праца” семантически представляется, как некая процессуальность, (по)следовательность, совокупность целенаправленных действий, что сходно с семантическим значением корня “рад”. Также, следует отметить и омонимическое сходство с русских праща – метательным оружием сходного принципа действия (посылать снаряды).

Перейдем к последнему из выделенных корней – “труд”. В русском родительном падеже трудá; трудный, трудиться, украинское труд, древнерусское трудъ «труд, работа, рвение, забота, страдание, скорбь», старославянское троудъ, болгарское труд, сербохорватское труд, , польское, словенское, чешское и словацкое *trud* родственно литовскому *triūsas* «работа, хлопоты», *triūsti*, *triūsiù* «хлопотать», латышскому *trauds* «хрупкий», средневерхненемецкому *droz* «тяжесть, тягота, досада», готскому *us-Þriutan* «отягощать», древнеисландскому *Þraut* «испытание, беда, искушение», латинскому *trūdō*, *trudere* «толкать, теснить», ирландскому *trot* «спор» (**trudno-*), *troscaim* «пощусь» (**trudskō*), албанскому *treth* «обрезаю» (**treudō*) [6]. Также, индоевропейское – *tr-eu-d* “мять, жать, давить, щемить”, общеславянское – *trudъ*, *trudit* (тяжелая ноша, досада, печаль), древнерусское – трудъ (работа, трудность, беспокойство, забота, страдание, скорбь, болезнь, горе) [7]. Таким образом, исходя из представленного выше этимологического рассмотрения корня труд мы можем заключить, что семантически оно ближе не к процессуальности или коллективной согласованности, а, скорее, к тяжелой, до(над)садной, подчас, болезненной деятельности. Опираясь на латинское и индоевропейское – деятельности, связанной с тяжелым физическим трудом – “переталкиванием”, “перемалыванием”, “размягчением”.

Исходя из представленного этимологического рассмотрения, можно заключить определенное отличие между корнями “рад” и “прац” и корнем “труд”. Так первые для корня исходят преимущественно из социального характера труда, его общественной пользы, полезности, благодности, процессуальности. Коннотативные оттенки, скорее положительные. Протосемантическое значение исходит из труда, как организованного целенаправленного движения, посылы. Подобная деятельность направлена в большей мере на достижение результата, и результат ожидается положительный. В то же время, корень “труд” базируется в большей степени на трудностях, связанных с достижением этого общественного блага. Процессуальность, если и предполагается, то не носит определяющего характера. Протосемантические “следы” указывают нам на тяготы, лишения, болезни и подчеркивает конкретность и однозначность решаемых задач. В определенной степени – дает нацеленность на результат, но результат с негативной коннотативной оценкой, результат – как избавление от тягот, а не преддверие праздности.

Следует сделать небольшое отступление. В частности, в структуре украинского языка наличествует употребление одновременно двух корней со сходным семантическим значением. Так и праця, и труд в украинском языке являются лингвистически верным употреблением для обозначения деятельности. При этом существует определенная коннотативная разница в словоупотреблении. Как отмечают исследователи украинское слово праця традиционно обозначает физические усилия, так в «прототипической» ситуации – это труд хлебороба [8]. Несмотря на то, что в современном языке подобные связи ослабляются, однако лексема сохраняет на себе прежние контексты, это по-прежнему деятельность человека; совокупность целенаправленных действий, требующих физической или умственной энергии и ведущих к созданию материальных и духовных ценностей [9]. В то же время, лексема труд, в соответствии с Толковым словарем украинского языка носит следующий смысл: упорный и усердный труд, труд требующий большой затраты физической или умственной энергии [10]. Данное замечание лишь подчеркивает характер выводов, следующих из этимологического рассмотрения.

Представленное этимологическое рассмотрение дало нам возможность выявить определенные контрастные семантические оттенки для трактовки концепта “труд” в славянской группе языков. В частности, в тех из них, где употребляются корни “рад” и “праца” – коннотация концепта “труд” скорее положительна. В то же время, корень “труд”, напротив, связан скорее с отрицательным оттенком смысла, что выражается в словообразовании, например “трудно” или “трудности”, что содержат в своей семантике элементы значения лексемы «труд», т.е. «требует большого труда, усилий, напряжения» [11]. Подобное отношение как к лексеме “труд”, так и к лексемам “праца” и “рад”, несомненно связано с теми событиями которые претерпело конкретное общество. Иными словами, историко-семантический выбор лексемы для лингвистического выражения концепта “труд” обуславливался тем конкретный социально-культурологическим контекстом, в условиях которого происходил генезис обособленных языков.

Как уже было отмечено нами ранее, в большинстве языков славянской группы, для обозначения концепта “труд” были выбраны лексемы, имеющие, в целом, положительную этимологическую коннотативность. При этом русский и болгарский (и близкий к нему македонский) языки скорее выглядят исключением из общего ряда. По нашему мнению, подобная обособленность обуславливается теми сложностями, с которыми пришлось столкнуться нашим культурным группам в своем развитии, и которых избежали их более благополучные в культурно-историческом отношении соседи.

Болгария, как независимое государство, перестала существовать в конце XIV века, так как была завоевана Османской империей. В 1396-м году вероятно после битвы при Никополе, на тот момент уже вассальная Болгария была полностью аннексирована турками. Период с 1396 года и вплоть до 1878 (восстановление Болгарией независимости в результате Берлинского конгресса) в болгарской истории известен как период турецкого ига. В результате данного ига, уже к концу XV века турецкая феодальная система и религиозные различия усугубили положение крестьян, низведя его, фактически, до положения раба. Разумеется, ухудшились условия труда - турецкая государственная машина была нацелена на максимально возможную эксплуатацию своих новых подданных “второго сорта”. Вероятно, в этот период и произошла лингвистическая фиксация концепта “труд” в форме лексемы труд. Рассмотрение македонской лексемы трудот, по нашему мнению, можно не проводить, так как, в целом, данный регион пережил похожий на болгарский культурно-исторический процесс.

В российской истории также прослеживаются черты характерной эксплуатации крестьян, одно по иным причинам. Подобно болгарскому этносу, русский этнос пережил период завоевания и последующего ига (татаро-монгольское иго). Однако, данный процесс происходил значительно раньше и оказал, по-видимому, лишь косвенное влияние на формирование лексемы. Вероятнее всего, процесс консолидации Московским княжеством русских земель, устранение удельных княжеств, а также перманентное противостояние с соседями в XV – нач. XVI вв. сыграли гораздо большую роль в этом отношении, так как потребовали консолидации сил, осуществить которую власть не имела возможности без эксплуатации крестьянского сословия. Также, не следует забывать, что наша страна находится в самой неблагоприятной климатической части ареала расселения этносов славянской группы языков, что, безусловно, осложняло крестьянский труд даже без административного давления. Таким образом, можно сделать вывод, что в русском языке фиксация концепта “труд” именно в форме лексемы труд, также во многом связана с ухудшением статуса (планомерное распространение Крепостного права со времен Ивана Великого до царствования Алексея Михайловича) и условий жизни крестьян.

В то время, например, Польша или Речь Посполитая набирала мощь и становилась наиболее успешным государством Восточной Европы, не подвергавшимся столь крупным нашествиям ни с востока, ни с запада, ее население избежало внешнего угнетения. В тоже время, на территории Польши отсутствовало столь зависимое положение крестьян, как сформированное в России Крепостным

правом. Лишь кризис середины XVII века изменил это положение, когда война с Россией и Швецией, народные восстания Косинского и Наливайко, а также экономический спад, вызвали серьезный политический кризис и ослабили страну. Однако, по всей видимости, стадия становления польского языка уже была пройдена, что и обусловило фиксацию концепта “труд” в более положительной и позитивной лексеме праца (праца). В то время как схожая с русско-болгарской по корню лексема *trud* означает заботы и усилия, а не вид человеческой деятельности нацеленный на создание какой-либо материальной или интеллектуальной продукции, что подтверждает истинность наших рассуждений.

Несколько обособленной, а вернее будет сказать – гибридной, выглядит ситуация с украинским языком. Поскольку украинский этнос вплоть до 1917 года был лишен собственной государственности (за исключением недолгого периода Гетманщины), то процесс формирования его языка был одновременно включен как в российский, так и в польский с постепенным изменением степени их влияния, в зависимости от вхождения в состав того или иного государства или сферу его влияния. Как уже было отмечено нами ранее, в украинском языке для обозначения концепта “труд” существуют две исследуемые лексемы – праця и труд, но с ярко выраженным семантическим характером. По всей видимости, на определенном этапе приоритетным в использовании была про-польская лексема праця, однако, с ростом влияния Московского государства на территориях проживания украинцев, а, вместе с тем и ужесточения института крепостничества, все большее употребление приобретала про-русская лексема труд. Таким образом, украинский язык, (как и белорусский, насколько мы можем судить), сохранил в себе билингвизм, параллельно избавив себя от многоуровневой дифференциации одной лексемы для позитивной и негативной коннотаций концепта “труд”.

Следует, также сделать определенное замечание. Безусловно, что в большинстве языков независимо от этимологического содержания лексемы, несмотря на изложенные выше выводы, присутствует как положительная, так и отрицательная коннотация концепта “труд”. Подобное противоречие смыслов, при наличии всего одной лексемы (что характерно для большинства славянских языков) требует ее многоуровневой дифференциации. Как, например, отметила Л.В. Басова, концепт «труд» в русском языке является многоуровневым, на базовом уровне он представлен такими признаками, как «усилие», «напряжение» и «физическое мучение», в то время как на другом - когнитивном отражается его развитие [12]. Позитивное же значение лексемы труд несомненно связано в первую очередь с нравственной ценностью данной деятельности, которая формируется под воздействием Христианской морали. Однако и здесь “Труд” нередко ассоциируется с тяжелой работой, усердием и мучением [13], а сам труд как явление возникает в жизни человека связи с его изгнанием из Рая в результате грехопадения, а не с момента сотворения человека. Более того, существует образ мира без труда – Эдемский сад, где нет необходимости заботиться о чем-либо. Поэтому труд, несмотря на свою необходимость, имеет значение наказания.

Таким образом, в ходе данного рассмотрения, нами была представлена важность исторической и культурологической контекстуальности в процессе

формирования и становления язык; взаимозависимость культурно-исторического контекста и формирования представлений об определенных концептах и их проявление в лексемах. Можно утверждать, что, как минимум на уровне народной, историко-культурологической памяти, в русской языковой системе лексема “труд” ассоциируется с тяжелыми, упорными и выматывающими действиями. Труд, в лингвистической памяти русского народа, – это непрерывное тяготение, преодоление сложностей и невзгод, преодоление кропотливое и, как правило, безропотное.

В контексте происходящих изменений в современном обществе, сокращение сфер деятельности, где необходимо участие человека, возникает угроза нового кризиса, как экономического, так и социального, культурологического, антропоного. Для его предупреждения, требуется, как минимум, сменить семантические акценты в русской фиксации концепта “труд”. Труд не перестает быть тяжелым, но из физической перемещается в иные сферы – коммуникативную, виртуальную, информационную. Вне зависимости от того, с какой коннотацией мы встречаем грядущие изменения, нам необходимо трансформировать форму фиксации концепта “труд” в социокультурном сознании. Как именно? Очевидно, что сообразно с нашими целями. Если мы хотим идти по пути безоглядного прогресса – в форме трансформации его в некую технокреативность. Но если же, напротив, мы хотим сохранить хотя бы часть своего культурного багажа и богатства, а, вместе с тем, и самих себя, то трансформировать таким образом, чтобы возникала потребность в сохранении важности труда человека для человека. Не столько как способа получить материальную пользу, сколько для удовлетворения его социальных, гуманитарных, антропологических потребностей, основой для чего может выступить такое направление как экология труда. И если выбор подходящих лексем – это, в сущности, выбор истории, культуры и, в конце концов, самой нашей жизни, то выбор пути – он, хочется верить, остается за нами. Пока остается...

Список литературы

1. Беляева Е.В. Нравственные ценности эпохи постмодерна / Е.В. Беляева // *Философия и социальные науки*. – 2010. – №1. – С. 60-64.
2. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., 2001. – 990 с.
3. Щадрукова А.Н. Концепт «Труд» в немецкой и русской языковых картинах мира: На материале пословиц русского и немецкого языков / А.Н.Щадрукова, М.А. Широкова, Н.А. Крупнова// *Культура и образование*. – 2014. – № 5(9). – С. 27. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/05/1785> (дата обращения: 03.03.2017).
4. Попова Е.С. Актуализация концепта Work в различных типах дискурса: Автореф. ... канд. филолог. наук / Попова Екатерина Сергеевна. – М., 2010. – 23 с. URL: <http://www.avtoref.mgou.ru/ar/ar510.pdf> (дата обращения: 02.06.2016).
5. Курбачева О.В. Язык как социокультурный фактор этногенеза восточных славян / О.В. Курбачева // *Философия. Политика. культура: Материалы школы молодого философа*. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – С. 126-133.
6. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*/ М. Фасмер / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. В 4 т. – М.: Прогресс, 1987. – Том 3. – 832 с.
7. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка* / М. Фасмер / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. В 4 т. – М.: Прогресс, 1987. – Том 4. – 864 с.

8. Радзиевская Т.В. Представление о труде по данным украинского языка, или о концептах «праця» и «робота» / Т.В. Радзиевская // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. – М., Наука, 2004. – С. 632-639.
9. Білодід І.К. Словник української мови / І.К.Білодід, А.А.Бурячок та ін. В 11 томах. Том 7. – Київ: Наукова думка, 1976. – 723 с.
10. Білодід І.К. Словник української мови / І.К.Білодід, А.А.Бурячок та ін. В 11 томах. Том 10. – Київ: Наукова думка, 1979. – 658 с.
11. Басова Л.В. Словообразовательный потенциал лексем, представляющих концепт «Труд» (по данным словообразовательного словаря) / Л.В. Басова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2006. – № 4. – С.207-212.
12. Басова Л.В. Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок): автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Басова Лариса Валерьевна. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. – 19 с.
13. Олейникова Т.С. Краткий церковнославянский словарь / Т.С. Олейникова. – М.: ЛОДЪЯ, 2006.

Slusarev V.V., Husainov T.M. Cultural and Anthropological Significance of the Concept «Labor» (on the Basis of the Lexemes of the Slavic Languages) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 200-210.

The article is devoted to the philosophical interpretation of the cultural and anthropological significance of the concept of "labor" on the basis of the etymological analysis of the lexemes of Russian, Bulgarian, Polish and Ukrainian languages. The aim of the work is to reveal the characteristic semantic properties of the lexemes of the concept in the language and show their influence on the attitude of native speakers to phenomenon of labor. The article considers the historical and cultural peculiarities of fixing the concept in the form of lexemes in the indicated languages, on the basis of which the authors tried to emphasize some important aspects. At first, there is a clear interconnection of working conditions, a specific cultural and historical situation and the form of fixation of the concept in the language (this is especially true in the Ukrainian language). Secondly, the association between the token "labor" and the forms of activity associated, as a rule, with physical labor and not requiring to go beyond the limited area. At third, the importance of linguistic fixation of the concept of "labor" in the homonymous lexeme (in Russian language) in modern globalization and technocratic conditions that seek to abandon corporality and the natural form of human existence is shown and justified. In conclusion, the authors conclude that it is necessary to change this lexeme, leaving behind the society and the reader the choice in which direction human spirituality, civilization and culture will develop.

Keywords: labor, conceptsphere, concept; Slavic languages, lexemes, cultural and anthropological analysis.

References

1. Belyaeva E.V. Nравstvennye tsennosti epokhi postmoderna [Moral Values of the Postmodern Epoch]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki* [The Journal of Philosophy and Social Sciences], 2010, № 1, p. 60-64.
2. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, 2001, 990 p.
3. Shchadrukova A.N., Shirokova M.A., Krupnova N.A. Kontsept «Trud» v nemetskoj i russkojazykovykh kartinakh mira: Na materiale poslovits russkogo i nemetskogo yazykov [The concept of «Work» in German and Russian language pictures of the world: On the Proverbs of Russian and German Languages]. *Kul'tura i obrazovanie* [Culture and Education], 2014, № 5(9), p. 27. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/05/1785> (Accessed: 03.03.2017).
4. Popova E.S. Aktualizatsiya kontsepta Work v razlichnykh tipakh diskursa [Actualization of the concept Work in different types of discourse]. Extended abstract of candidate's thesis, Moscow, 23 p. URL: <http://www.avtoref.mgou.ru/ar/ar510.pdf> (Accessed: 02.06.2016).
5. Kurbacheva O.V. Yazyk kak sotsiokul'turnyi faktor etnogeneza vostochnykh slavyan [Language as a socio-cultural factor of ethnogenesis of the Eastern Slavs]. *Filosofiya. Politika. kul'tura: Materialy shkoly molodogo filosofa* [Philosophy. Policy. Culture: Materials of the school of the young philosopher], Moscow: Progress-Traditsiya, 2010, p. 126-133.

6. Vasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Progress, 1987, Vol. 3, 832 p.
7. Vasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Progress, 1987, Vol. 4, 864 p.
8. Radzievskaya T.V. Predstavlenie o trude po dannym ukrainskogo yazyka, ili o kontseptakh «pratsya» i «robota» [The notion of labor according to the Ukrainian language, or about the concepts of «pratsya» and «robota»]. Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura [Secret meanings: the Word. Text. Culture]. Moscow, Nauka, 2004, p. 632-639.
9. Bilodid I.K., Buryachok A.A. Dictionnaire Ukrainian Language. Kiiv, Naukova dumka, 1976, Vol 7, 723 p.
10. Bilodid I.K., Buryachok A.A. Dictionnaire Ukrainian Language. Kiiv, Naukova dumka, 1976, Vol 10, 658 p.
11. Basova L.V. Slovoobrazovatel'nyi potentsial leksem, predstavlyayushchikh kontsept «Trud» (po dannym slovoobrazovatel'nogo slovaryu) [The word-building potential of lexemes, representing the concept of "Work" (according to the word-building vocabulary)]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya [Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research], 2006, № 4, p. 207-212.
12. Basova L.V. Kontsept TRUD v russkom yazyke (na materiale poslovits i pogovorok) [Concept LABOR in the Russian language (based on proverbs and sayings)]. Extended abstract of candidate's thesis, Tyumen, 2004, 19 p.
13. Oleinikova T.S. Kratkii tserkovnoslavyanskii slovar' [A Brief Church Slavonic Dictionary]. Moscow, LODYa, 2006.